

**У ИСТОКОВ. К 60-ЛЕТИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В 2000 году исполняется 60 лет филологическому факультету Уральского государственного университета. Сегодня факультет имеет два отделения – русское и романо-германское, на которых обучается почти 900 студентов очной и заочной формы обучения. Обеспечивают учебный процесс и ведут научную работу 18 докторов наук, профессоров, 33 кандидата наук, доцента, и около 20 молодых преподавателей. На факультете 8 кафедр: русского языка и общего языкознания (заведующий – профессор, член-корреспондент Российской академии наук А.К. Матвеев), романо-германского языкознания (доцент О.Г. Сидорова), современного русского языка (профессор Л.Г. Бабенко), риторики и стилистики русского языка (профессор О.А. Михайлова), зарубежной литературы (доцент А.В. Маркин), фольклора и древней литературы (профессор В.В. Блажес), русской литературы (профессор Г.К. Щенников), русской литературы XX века (профессор Л.П. Быков). В структуру факультета входят учебно-научная топонимическая лаборатория, кабинет культуры речи. Ежегодный объем научных публикаций составляет 300–350 печатных листов – это монографии, словари, сборники научных статей, тезисов, материалов. Труды преподавателей публикуются также в центральных изданиях и за рубежом. Почти все кафедры имеют гранты российских или зарубежных научных фондов. Преподаватели постоянно участвуют в российских и международных симпозиумах и конференциях. На факультете проводятся три традиционных научных конференции: 1) Проблемы ономастики и диалектной лексики; 2) Кузнецовские чтения, посвященные профессору Эре Васильевне Кузнецовой, почти всю жизнь проработавшей на нашем факультете; 3) Русская литература: региональные различия и национальное своеобразие (Дергачевские чтения) – эта конференция проводится в честь профессора Ивана Алексеевича Дергачева, первого декана филологического факультета. На факультете работают две постоянных научных экспедиции – топонимическая и фольклорная, которые дают новый материал для диалектологических, этимологических исследований и изучения народной культуры Урала. Ежегодный прием в аспирантуру – 10–12 человек, в докторантуру – 3–4 человека. Более 15 лет работает совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по филологическим наукам. Каждый год факультет выпускает около 100 бакалавров филологии, 120–130 специалистов с квалификацией «филолог, преподаватель» (выпускники романо-германского отделения получают также квалификацию «переводчик»), 6–7 аспирантов защищают кандидатские, 2–3 докторанта – докторские диссертации. Выпускники факультета, выпускники аспирантуры и докторантуры трудятся в учебных заведениях всех уровней, в научных учреждениях, музеях, издательствах, информационно-аналитических центрах, на телевидении, в редакциях газет – везде, где требуются специалисты, умеющие общаться с людьми и работать с письменным и устным текстом.

Отмечая 60-летний юбилей, вступая в новое тысячелетие, хочется оглянуться назад: с чего начинался факультет, кто закладывал основы университетского филологического образования на Урале, каким было его становление? Эти вопросы освещаются в очерке¹.

¹ При написании очерка использованы следующие публикации: *Агеева З.С.* Воспоминания студентки первого выпуска филфака // Уральский университет. 1995. 15 октября; *Доровских Л.В.* Кафедра классической филологии и переводческая деятельность П.А. Шуйского // Изв. Урал. гос. ун-та. 1999. № 13. С. 142; *Еремеев А.Ф.* Екатеринбургский Одиссей // Изв. Урал. гос. ун-та. 1998. № 9. С. 142–146; *Захаров С.* Первый послевоенный... // Урал. 1985. № 10. С. 188–190; *Петрова В.* Пятьдесят лет тому... // Урал. 1990. № 10. С. 167–170; *Штакоская Е.А.* А мы такие молодые... // Уральский университет. 1995. 19 октября; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 1995.

К читателю

Самыми заинтересованными читателями этого очерка будут, конечно, наши выпускники. У каждого из них остались в памяти свои факты и впечатления, и мнение одного может существенно отличаться от мнения другого – в этом пришлось убедиться, разговаривая с теми, кто учился в сороковые годы. Мой очерк тоже вызовет в чем-то согласие или несогласие, хотя я стремлюсь быть предельно конкретным в фактах и опираюсь в первую очередь на документальные материалы, а затем уже на рассказы-воспоминания.

К сожалению, материалов сохранилось немного, нет совсем каких-либо кафедральных бумаг, учебных документов деканата, ученого совета – имею в виду фонд 2110 «Уральский государственный университет» в Государственном архиве Свердловской области по периоду 1939–1950 гг. Есть лишь отдельные бумаги из переписки ректора с Всесоюзным комитетом по делам высшей школы, часть распоряжений учебного отдела, некоторые личные дела преподавателей. В архиве университета хорошо сохранились личные дела, но приказы конца 30-х – начала 40-х гг. фрагментарны. В музее университета есть краткие воспоминания трех выпускниц 1945 и 1948 гг., часть переписки первого декана с учеными других вузов, неполный комплект университетской газеты «Сталинец»... Если все собрать, то можно все-таки осветить основные события жизни факультета в первое десятилетие, то есть периода его открытия и становления. Именно первое десятилетие, когда закладывались основы, представляется особенно важным и существенным.

Собирая материал, я постоянно обращался к выпускникам и искренне благодарю за помощь Зинаиду Семеновну Агееву, Нину Владимировну Чернову (Прозорову), Елену Антоновну Шпаковскую, Лидию Михайловну Слобожанинову (Белоносову), Нину Витальевну Кузнецову (Петровскую), Елену Зиновьевну и Сару Зиновьевну Гомельских.

Особую признательность и благодарность выражаю доценту Александре Петровне Громовой.

Подготовка к открытию факультета

По приказу № 2336 от 8.09.1938 г. председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. Кафтanova филологический факультет должен был открыться в Уральском университете 1 сентября 1939 года. Но существовал соответствующий приказ и по открытию исторического факультета, который начал работать с 1 сентября 1938 г. А реализация приказа по филологам затянулась из-за отсутствия кадров. Можно понять трудности, стоявшие перед ректором. Открытие гуманитарных факультетов – исторического и филологического – качественно меняло университет, который в конце тридцатых годов имел в составе лишь естественные факультеты. Однако за год-полтора создать материальную базу, подыскать заведующих основными кафедрами, сформировать кадровый потенциал сразу двух факультетов было очень сложно. Ректор университета не смог в течение 1938–1939 гг. найти преподавателей-филологов должной квалификации. Объявленный на всю страну конкурс не дал никаких результатов, министерство тоже ничем не помогло, поэтому филфак не был открыт.

Тревожное положение сохранялось и в начале 1940 г. Ректор университета Н.П. Попов в докладной записке Комитету по делам высшей школы от 28 марта 1940 г. писал, что открытие филологического факультета «поставлено под угрозу срыва», потому что нет даже заведующих кафедрами. Правда, был декан, точнее, «исполняющий обязанности декана филологического факультета» Иван Алексеевич Дергачев (приказ № 2 от 8.01.1940 г.). Молодой филолог И.А. Дергачев инициативно взялся за дело и под непосредственным руководством ректора работал в двух направлениях: комплектование университетской библиотеки художественной и научной филологической литературой и поиск преподавателей лингвистических и литературоведческих дисциплин.

Декан, например, считал, что фонд научной библиотеки университета должен быть усилен библиотекой Александровского лицея, привезенной на Урал в двадцатые годы. И он смог в этом убедить ректора, который весной 1940 г. отправил докладную записку в Комитет по делам высшей школы с просьбой передать библиотеку Александровского лицея из индустриального института «в распоряжение университета для исторического и филологического факультетов» (ГАСО, ф. 2110, оп.2, ед.хр.б3. Л.86). И.А. Дергачев связывался с различными библиотеками, чтобы получить нужные книги из обменных фондов. Ездил в Москву, вручил список книг Э.Ф. Ципельзону, и последний разыскивал учебную и научную литературу в книжных магазинах и московских библиотеках. В одном из писем он сообщал И.А. Дергачеву, что «по оставленному Вами в Москве списку работаю», что отправил с Савеловской товарной станции посылку с книгами (40 кг), что в обменном фонде библиотеки им. В.И. Ленина есть книги, необходимые университету, и желательно «поскорее написать официальную бумагу». В ноябре 1940 г. И.А. Дергачев снова был в Москве «по книжным делам»; сохранилась телеграмма ректора, посланная в гостиницу на его имя: «Срочно выезжайте в Киев к Сташевской и договоритесь о приобретении у нее библиотеки». Из-за отсутствия других сведений я не могу прокомментировать эту телеграмму, но очевидно, что ректор и декан знают, кто такая Сташевская, какой у нее адрес, какая библиотека и т.п. А главное – оба заняты одним делом: созданием полноценной университетской библиотеки. Ректор нашел в лице декана филфака деятельного помощника не только в комплектовании научной библиотеки, но и в подборе преподавательских кадров. Ректор действовал по своей линии через Комитет по высшей школе, декан – по своей.

И.А. Дергачев с января 1940 г. вел переписку со многими учеными, приглашая их приехать в Уральский университет. Эта переписка частично дошла до нас, и можно видеть, что И.А. Дергачев действовал очень продуманно: он обращался к известным исследователям, университетским профессорам, справедливо полагая, что нужно сразу закладывать подлинный академизм в основу филологического образования на Урале. Не все ученые, к которым обращался И.А. Дергачев, с готовностью принимали его приглашение: кого-то пугал «нулевой цикл» – все надо начинать на пустом месте, кто-то уклончиво обещал «подумать»... Но были ученые, готовые приехать при выполнении университета их условий. Например, известный литературовед и фольклорист профессор П.С. Богословский согласился возглавить кафедру русской литературы. Он прислал документы, в которых содержались рекомендации академика Ю.М. Соколова, члена-корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина, и ученый совет университета даже избрал его на должность заведующего кафедрой. Но П.С. Богословский просил предоставить квартиру «из трех комнат плюс комната домработнице», и ректор сначала обещал это выполнить, однако возникли новые обстоятельства... А жаль, что такой крупный ученый не приехал работать в университет. И тем не менее усилия ректора, декана дали свой результат. Оказал также помощь Комитет высшей школы, направив двух выпускников аспирантуры Ленинградского университета Александру Петровну Громову и Павла Акимовича Вовчка. А.П. Громова работала в Свердловском пединституте и по совместительству в университете во время войны, а П.А. Вовчок с 15 августа 1940 г. возглавил кафедру русского языка и общего языкознания, которая до сих пор входит в структуру факультета под тем же названием.

В мае 1940 г. был объявлен прием студентов на филологический факультет. В городе появились объявления о новом факультете. Н.В. Чернова вспоминает: «Мы с подружкой хотели ехать в Москву изучать историю театра, но увидели на улице объявление, что открывается филологический факультет, и пришли на собрание абитуриентов. Выступали Иван Алексеевич и Павел Акимович, говорили о литературе и языке. Меня поразил Вовчок: он говорил так ярко о языке, о его истории, роли в обществе, что я передумала ехать в театральный и подала документы на филфак. Вскоре после собрания начались

экзамены». Предметную комиссию на вступительных экзаменах возглавляла Агния Ивановна Данилова. Тех, кто имел аттестат отличника (золотых и серебряных медалей тогда не выдавали), сразу включали в число студентов, остальные сдавали четыре экзамена. Сохранился приказ № 104 от 31.08.1940 г. о зачислении на 1 курс филологического факультета. По результатам вступительных экзаменов было зачислено 59 человек и 29 человек стали первокурсниками как имеющие отличные аттестаты. Курс разделили на три группы. Первые старосты – В. Джалалова, И. Бабенко, А. Карабанова. 1 сентября 1940 г. начались занятия, и филологический факультет начал свою жизнь.

Первые преподаватели. Историко-филологический характер обучения

Как уже было сказано, огромную подготовительную работу по открытию факультета проделал И.А. Дергачев. Позже он станет доктором наук, профессором, известным литературоведом, а в год открытия факультета он – совсем молодой человек (ему не было тридцати), выпускник Пермского педагогического института, имеющий несколько лет преподавательского стажа в различных учебных заведениях. Он связывал с филологическим факультетом свое будущее, поскольку знал и любил литературу, в первую очередь Лермонтова, поэтов Серебряного века. Ректор университета оценил организаторские способности, умение работать с людьми, филологические устремления И.А. Дергачева: с 1 сентября 1940 г. он зачисляется ассистентом кафедры русской литературы и назначается помощником (заместителем) декана, а возглавлять филологический факультет ректор «временно» поручил декану истфака П.И. Шатагину (приказ № 105 от 2.09.1940 г.). Пребывание в деканате обязывало И.А. Дергачева к реальным шагам и действиям, к конкретным делам. Например, он основательно вникал в учебный процесс. Студентка тех лет В. Петрова пишет: «... Иван Алексеевич посещал все экзамены, по-хозяйски оценивал нас. К концу экзаменов он уже всех знал не только по фамилиям, но и по именам и отчествам, повергая нас этим в веселый трепет. Его любовь к своему детищу, филологическому факультету, была беспредельна» (*Петрова В. Пятьдесят лет тому... // Урал. 1990. № 10. С. 167*). В июне 1941 г. И.А. Дергачев ушел на фронт, участвовал в боевых действиях... Он вернулся на факультет в начале пятидесятых годов, но об этом времени – позже.

Надо отметить, что первое десятилетие своей жизни филологический и исторический факультеты находились, что называется, в состоянии неразрывности и неслиянности одновременно. Будучи открыты как самостоятельные почти одновременно, они то соединялись как близкие, то разводились как разные структуры. Если в 1940 г. это два факультета, то в 1941 г. – один, приказом № 213 от 1.12.1942 г. их разделили, деканом филфака был назначен «тов. Вовчок П.А.», а буквально через полгода появился приказ №122 от 7 .05.1943: «слить исторический и филологический факультеты, назначить Вовчка П.А. деканом историко-филологического факультета». В начале 1950-х гг. на историко-филологическом факультете уже четыре отделения: истории, филологии, журналистики, логики и психологии (данные на апрель 1950 г.). Думается, что такие организационные «новации» объясняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, факультеты были небольшие, преподавателей немного. Годовая нагрузка каждого преподавателя подробно расписывалась и утверждалась приказом ректора. По одному из таких приказов (№ 170 от 9.10.1942 г.) видно, что на историко-филологическом факультете в это время работали две небольшие исторические кафедры: истории народов СССР – 5 преподавателей, в том числе один доцент по совместительству, и всеобщей истории – 6 преподавателей, в том числе два совместителя; у филологов: кафедра русского языка и общего языкознания – 8 человек без совместителей, кафедра русской литературы – 4 человека и кафедра западной литературы – 3 преподавателя. Получается примерно десять преподавателей-историков и около пятнадцати филологов, причем добрая половина их работала на «половинках и четвертинках» ставок. Хотя постепенно увеличивалось число студентов и соответственно возрастала нагрузка, появлялись новые ставки.

Во-вторых, учебные планы филологов и историков в те времена существенно сближались и по набору общих дисциплин, и по заложенной в них тенденции к изучению древней истории, античной культуры – тому классическому наследию, которое составляло основу историко-филологического образования в университетах России XIX–начала XX в. Историки в приличном объеме изучали историю разных эпох и народов, и одновременно им преподавали обычные филологические дисциплины: русский фольклор, старославянский язык, историю русского языка, историю русской литературы от древнерусской до XX века включительно, историю западной литературы – античную, Средних веков и Возрождения, XVII–XVIII вв. и т.д. В 1939 г., когда еще не было филфака, А.И. Данилову специально пригласили почасовиком прочитать первокурсникам «Введение в языкознание», и в дальнейшем эта лингвистическая дисциплина долго сохранялась в учебном плане историков. А у филологов читались весьма объемные курсы всеобщей и отечественной истории: например, лекции по истории народов СССР на 1 и 2 курсах читал профессор А.А. Введенский, лекции по всеобщей истории занимали два семестра, вели их доцент Н.Х. Юдикис и доцент Н.А. Бортник. Много внимания уделялось классическим языкам – древнегреческому, латинскому, старославянскому, последний шел три семестра с зачетом и экзаменом, также три семестра изучалась историческая грамматика русского языка.

Кафедра классической филологии

Традиции классического университетского образования закладывали в первую очередь преподаватели, которые вели занятия по древнегреческому, латинскому языкам, античной литературе, истории Греции и Рима... Будучи выпускниками историко-филологических факультетов дореволюционных вузов, они являлись непосредственными носителями университетских традиций и привносили в студенческую аудиторию свою глубокую убежденность в силе и непрерывности духовной культуры, идущей из античного мира. Для них древнегреческий и латынь являлись языками, несущими не только ценную информацию по истории и культуре античного мира, но и влияющими на лексический состав языков нового времени и развитие научного подхода к ним. Античная культура понималась ими как система ценностей, обладающих мощным потенциалом, оказывающим живоносное влияние на европейскую культуру в течение тысячелетий.

Говорю это, основываясь не только на воспоминаниях и оценках студентов военных лет, но и своих впечатлениях, ибо одного из тех старых преподавателей – Александра Лавровича Вознесенского – мне посчастливилось слушать, когда я поступил на филологический факультет в 1958 г. Самое первое всегда запоминается. И по расписанию первой парой стоял латинский язык. Два часа А.Л. Вознесенский говорил о феномене латыни, ее сложности и простоте, ее историчности и современности, благозвучности и силе воздействия. Его лексические примеры из западноевропейских и славянских языков поражали неожиданностью и колоритом. Не скажу, что все мои однокурсники устремились к латыни как к главному в жизни делу, но уважительно-понимающее отношение к этому языку у нас сформировалось. Если на первой лекции А.Л. Вознесенский запомнился несколько торжественным, вещающим о своем предмете высоким или почти высоким слогом, то в дальнейшем он был предельно приближен к аудитории: никакой наставительности, поучительности: «Ну-те-ка-с, откройте книжку, кто будет читать?» Желаящий читал, переводил заданный текст, объяснял грамматические формы – все было обычно до тех пор, пока у Александра Лавровича не возникла неожиданная ассоциация, не всплывал в памяти какой-нибудь литературный или исторический факт, тогда следовало: «Минуточку! А вот у Цицерона...» или «А Катулл писал...». И он переходил от частных оборотов к исторической прозе Цицерона, Тита Ливия или к поэзии Лукреция, Горация, Овидия, Тибулла и других поэтов золотого века римской поэзии. Любил ссылаться на римского историка Тацита. Он мог процитировать античного автора, чтобы

показать тот же оборот или грамматическую форму в другом контексте, мог вспомнить какой-то афоризм со словом, вызвавшим у нас затруднение при переводе, и рассказать об историческом событии, вызвавшем к жизни этот афоризм, и т.п. Иногда создавалось впечатление, что Александр Лаврович эстетически переживает смысловые оттенки, возникающие при переводе тех же причастных оборотов в разных поэтических контекстах. Его занятия были не только лингвистическими, но и историко-культурными: латинский язык представлял включенным в античную духовность и неотделимым от нее. А сам А.Л. Вознесенский был неотделим от старой интеллигенции. Студентка первого набора В. Петрова пишет: «Вспоминается внешняя подтянутость и воспитанность наших преподавателей. Особенно, как-то по-старинному, был галантен Александр Лаврович Вознесенский».

Мы сразу поняли, что он любит общаться. Можно было подойти к нему в коридоре и спросить что угодно, например: «Говорят, что вы слышали Ленина...» или «Как вы относитесь к диалектологии?», и он не уклонялся от ответа. К концу учебного года мы уже знали, что он родился в семье дьячка, закончил Нежинский историко-филологический институт, в 1917–1918 гг. был членом уездного совета рабочих и солдатских депутатов, два года служил в Красной армии, но в Гражданской войне не участвовал, был делегатом Всероссийского съезда Советов, а затем работал преподавателем. На филологический факультет Уральского университета пришел в числе первых преподавателей. Просматривая архивные документы, я обратил внимание на его заявление о приеме на работу: «От Дергачева И.А., с которым я некоторое время работал на вечернем отделении института Кирова, узнал, что на открываемом филологическом факультете нужен преподаватель латинского языка. Предлагаю свои услуги» – подпись и дата: 8 июня 1940 г. С сентября этого года А.Л. Вознесенский работал преподавателем на кафедре общего языкознания, в июне 1944 г. стал старшим преподавателем кафедры классической филологии. Вел занятия по латинскому языку с филологами, по древнегреческому языку – со студентами и аспирантами исторического факультета вплоть до выхода на пенсию в 1964 г.

Такой же неординарной личностью был Александр Иванович Виноградов, выпускник Санкт-Петербургского университета, где он учился на историко-филологическом факультете в 1909–1914 гг. В Уральском университете он с 1938 по 1940 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой древней истории, затем работал в краеведческом музее, в марте 1944 г. вернулся на историко-филологический факультет: занимал должность доцента, возглавлял секцию древних языков кафедры русского языка и общего языкознания, в сентябре этого года был назначен деканом. Появление А.И. Виноградова в университете сыграло, очевидно, решающую роль в открытии кафедры классической филологии. Он ее возглавил на правах педагога со стажем и исследователя античной истории. Владел несколькими языками: древнегреческим, латинским, французским, немецким, грузинским. Его первая научная работа «Библиография по политической и культурной истории Византии» была опубликована еще в 1914 г. В сороковые годы он занимался историей римских легионов, писал докторскую диссертацию «Локализация и перемещение римских легионов в I веке н.э.»; ему принадлежит более шестидесяти научных работ. Главный вклад А.И. Виноградова в становление филологического факультета – это, конечно, создание кафедры классической филологии. Тем самым он усилил значимость преподавания дисциплин классического цикла, создал возможности методико-методологического совершенствования. По нынешним меркам кафедра небольшая, по критериям того времени – обычная: четыре человека – два доцента, два старших преподавателя. Все с большим опытом: по 30–35 лет педагогического стажа. А.И. Виноградов читал историю древнего Востока, историю Греции и Рима, вел занятия по историографии и источниковедению, П.А. Шуйский – античную литературу и древнегреческий, А.Л. Вознесенский и В.Д. Миронов – древнегреческий и латинский. Вся педагогическая,

организаторская деятельность А.И. Виноградова пронизана идеей актуализации ценностей византийской культуры и коррелирует с его гражданским поступком, когда он в 1937 г. послал в ЦК ВКП(б) на имя И.В. Сталина свою работу «О необходимости изучения истории Византии», а в 1942 г. снова послал в ЦК свою работу «К вопросу об осмыслении настоящего и будущего нашей родины в эпоху Великой Отечественной войны». А.И. Виноградов объединил членов кафедры общей научной работой: доцент П.А. Шуйский переводил гомеровские поэмы, а коллеги вникали в перевод, постоянно обсуждали отдельные части на заседаниях кафедры. В 1949 г. вышел из печати перевод на русский язык «Одиссеи», выполненный П.А. Шуйским, под редакцией и со вступительной статьей А.И. Виноградова. Перевод был отмечен премией университета, появились рецензии и отклики в академических изданиях. Кафедра стала известна в научных кругах. Еще об одном деле, которое объединяло членов кафедры и студентов, писал сам А.И. Виноградов: «Проводится перевод с латинского языка важного источника для истории III века Римской империи «Scriptores historiae Augustae» (биографии императоров от Адриана до Диоклетиана) – перевод осуществляется членами кафедры с привлечением студентов старших курсов в порядке самостоятельной работы над новым для них латинским текстом». Надо сказать, что и для филологов, и для историков кафедра ввела на экзамене по латинскому языку перевод незнакомого текста, поэтому А.И. Виноградов пишет, что студенты привлекались к переводу «в порядке самостоятельной работы». Это один из обучающих приемов кафедры. В характеристике А.И. Виноградова, подписанной ректором в 1949 г., отмечено: «Обращает серьезное внимание на выработку у студентов навыков самостоятельной работы».

С первых дней работал на кафедре классической филологии Владимир Дмитриевич Миронов. А.И. Виноградов пригласил его как опытного преподавателя и знатока не только классических, но и нескольких новых европейских языков. В.Д. Миронов – единственный преподаватель факультета, имевший высшее богословское образование: он закончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Защищал магистерскую диссертацию «Вопрос о критериях православия в русской духовной культуре XV – XVI веков» и выбрал, как он сам пишет в автобиографии, не церковную карьеру, а «тяжелый путь работника народного просвещения»: работал учителем словесности в женской гимназии, техническом училище, учительской семинарии, с 1 сентября 1944 г. – преподаватель латинского и древнегреческого в Уральском университете. Те, кто учился у Владимира Дмитриевича или работал в одно время с ним, отзываются о нем в превосходных степенях, подчеркивая отличное знание преподаваемого предмета и профессиональное отношение к делу. Например, доцент А.П. Громова, у которой вообще только две категорических оценки любого преподавателя – «сильный», «несильный», – сказала: «Владимир Дмитриевич – безусловно сильный преподаватель. И очень уважаемый».

Назову еще Георгия Ивановича Эбергардта, выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Он в сороковые годы преподавал в Уральском университете математику и латынь: сначала работал на кафедре алгебры и геометрии, а с 1950 г. – доцентом кафедры классической филологии. В этом году у него случился юбилей, и ректор объявил ему благодарность «за безупречную многолетнюю работу на фронте социалистической культуры». Г.И. Эбергардт вел занятия по латыни на первом, втором и четвертом курсах у филологов и историков.

Наконец, нужно сказать о Павле Александровиче Шуйском. Как и его коллеги по кафедре, он закончил классическую гимназию, Московский университет в 1907 г. и после этого учился два года в Йенском университете. На Урал приехал в 1930 г. В Уральском университете работал с начала войны по совместительству, с 1944 г. – доцент кафедры классической филологии, а с 1949 – заведующий. Судя по его публикациям, он в тридцатые годы активизировал свою переводческую и исследовательскую работу по античному эпосу и к концу сороковых перевел поэмы Гомера. В 1949 г. П.А. Шуйский получил

премию университета за лучший научный труд – перевод с древнегреческого «Одиссеи». Перевел также «Илиаду», но она осталась неопубликованной. Сейчас три машинописных тома перевода «Илиады» и комментариев к ней хранятся в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки нашего университета. П.А.Шуйский вел занятия по классическим языкам, античной литературе и литературе средних веков и Возрождения. По воспоминаниям бывших студентов, его лекции было интересно слушать, потому что они были не только продуманно выстроены, но и насыщены цитатами, примерами, звучащими часто на русском и древнегреческом одновременно. В.П. Кругляшова говорила мне, что у П.А. Шуйского было убеждение: красоту античного поэтического слова частично можно передать русско-греческим или русско-латинским цитированием. Поэтому он считал необходимым цитировать афоризмы, стихи в их первоначальном звуковом облики.

Постоянно контактировал с кафедрой, принимал участие в обсуждении перевода «Одиссеи» историк Михаил Яковлевич Сюзюмов. Позже он станет доктором наук, профессором, ученым с мировым именем, а в то время это был молодой кандидат наук, доцент. Он вел с филологами занятия по латинскому языку и оставил о себе только благодарные воспоминания. С. Захаров в воспоминаниях пишет, что М.Я. Сюзюмов увлекал их своими обширными знаниями: делал постоянно исторические или литературные экскурсии, очень живо рассказывал, «цитировал наизусть латинские стихи, изречения, учил петь по латыни студенческий гимн «Гаудеамус». Во время войны вел факультатив по греческому и обязательные занятия по латинскому языку А.Н. Попов. Это был опытный преподаватель, автор ряда учебно-методических публикаций: в частности, он издал «Курс латинской грамматики» (М., 1936), «Граматику греческого языка» (М., 1942), в соавторстве с П.М. Шендяпиным написал учебник по латинскому языку, по которому училось много поколений студентов.

Русистика

Очевидно, стоит последовательно обратиться к языкознанию, фольклористике и литературоведению, точнее, к тому, как они были представлены на факультете в сороковые годы.

Языкознание

В сороковые годы стержневая фигура на факультете – это доцент Павел Акимович Вовчок. Он вместе с И.А. Дергачевым начинал строить факультет, и когда Иван Алексеевич ушел на фронт, он продолжал возглавлять кафедру русского языка и общего языкознания, затем стал заместителем декана и деканом вплоть до конца 1944 г. Бывшие студенты, вспоминая свою учебу, сразу же называют первым или в числе первых П.А. Вовчка, отмечают его лингвистическую эрудицию, неброскую, но заинтересованную манеру поведения в аудитории. «Уже на 1 курсе общим любимцем стал Павел Акимович Вовчок, – пишет Т.В. Минина. – Он сразу же расположил к себе манерой вести лекции: как будто разговаривал с каждым. ... Мягкая речь, легкая картавинка, расположенность к каждому – основное в нем. Серый костюм, косоворотка, белокурые волосы. И то, что у него не было одной руки, воспринималось в военное время как должное...» Некоторые учебные группы слушали его шесть-семь семестров подряд: он читал весь современный русский, историческую грамматику, стилистику... И оставался все время интересным.

П.А. Вовчок с отличием закончил филологический факультет Ленинградского университета в 1937 г. и был оставлен в аспирантуре, которую проходил под руководством академика С.П. Обнорского. Педагогическую работу П.А. Вовчок начал еще до учебы в университете – работал учителем в сельской школе в Казахстане; будучи студентом третьего курса, начал вести занятия по русскому языку в таджикской, узбекской и турецкой группах лингвистического факультета ЛГУ и вел их до окончания университета; одновременно преподавал русский язык в военно-политическом училище, на вечернем

отделении Академии водного транспорта. В аспирантские годы (1937–1940) занимал должность доцента на литературном факультете Могилевского педагогического института. Говорю об этом, чтобы подчеркнуть, что ко времени окончания аспирантуры П.А. Вовчок был уже достаточно опытным преподавателем. Он получил в ЛГУ фундаментальную филологическую подготовку, которой обязан таким ученым, как академики С.П. Обнорский, Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов... Он владел немецким, польским, чешским, сербским, болгарским, украинским, белорусским языками. На нашем факультете П.А. Вовчок сформировал в сороковые годы кафедру русского языка и общего языкознания, привнес в ее деятельность традиции подлинного академизма и высокой науки. Он читал практически все курсы лингвистического цикла начиная от языкознания, истории русского языка и кончая современным русским. Он разработал и с успехом читал курс общей стилистики, специальные курсы: «Части речи в русском языке», «Учения о слове», «Речевая стилистика». Незаурядная лингвистическая эрудиция позволяла П.А. Вовчку заниматься широким кругом языковых проблем. Диапазон его научных штудий – от русской диалектологии, исторической грамматики до современного русского, старославянского. Он отредактировал первый том «Словаря русских говоров Среднего Урала», много занимался современными языковыми проблемами, например: написал работы «Русский литературный язык советской эпохи», «Языковые нормы и развитие языка», «Русская фразеология», монографию «Язык и стиль И.В. Сталина» (осталась в рукописи) – эти и другие работы были частью планируемой большой книги о русском литературном языке. Но в начале пятидесятых годов изменилось время и замысел не был реализован.

В военные годы работала на факультете профессор Виктория Николаевна Ярцева. В 1940 г. она защитила докторскую диссертацию «Развитие английского глагола», имела большое число научных публикаций, опыт преподавания в престижных ленинградских вузах. Студентам нашего факультета В.Н. Ярцева читала лекции по языкознанию и вела спецкурс «История лингвистических учений», который, по мнению бывших студентов, нес следы яркой индивидуальности автора. Она вела также занятия по английскому языку, но чаще с журналистами. Позже В.Н. Ярцева стала известным специалистом в области языкознания, англистики, кельтологии; была избрана членом-корреспондентом АН СССР, возглавляла академический институт языкознания.

Очень большой вклад в становление филологического образования внесла доцент Александра Петровна Громова. На нашем факультете она работала в военные годы совмещителем, вела занятия главным образом по истории русского языка. А.П. Громова закончила Ленинградский государственный университет, затем под руководством академика Н.С. Державина прошла аспирантуру, в декабре 1942 г. в Уральском университете защитила кандидатскую диссертацию «Синтаксические функции краткой и полной формы адъективных слов в старославянском языке». Она прошла блестящую филологическую школу, владеет карельским, польским, чешским, немецким, финским и другими языками, и это позволяло ей на высоком теоретическом уровне вести как общие лингвистические курсы, так и специальные. А.П. Громова читала лекции по истории русского языка, старославянскому языку, введению в славяноведение, сравнительной фонетике славянских языков, закладывая и развивая академическую основу преподавания и изучения русистики на нашем факультете. Своими знаниями она делилась с дипломниками и аспирантами, погружая их в проблемы изучения истории славянской культуры и выводя на научную стезю. Перу А.П. Громовой принадлежит сравнительно немного научных работ, но все они посвящены основополагающим лингвистическим ценностям. Она писала о звуковом значении глаголической буквы «гервь», о так называемом третьем смягчении заднеязычных согласных в общеславянском языке, о твердости-мягкости согласных как фонологической категории, о трансформации просодических элементов общеславянского языка в фонетико-морфологической структуре русского языка, о синтаксических функциях краткой и полной форм причастий в старославянском языке и т.п.

Все работы А.П. Громовой носят фундаментальный характер, поэтому в настоящее время остается весьма высоким индекс цитирования ее научных публикаций, особенно по сравнительной фонетике славянских языков. Сегодня Александра Петровна тепло вспоминает сороковые годы, преподавателей, работавших в то время на факультете, высоко отзывается о В.Д. Миронове, А.Л. Вознесенском, П.А. Шуйском и других, с любовью вводивших студентов в филологическую науку.

Региональными языковыми проблемами на факультете занимался профессор А.П. Георгиевский. Он вел занятия по истории русского языка, профессионально занимался диалектологией, работал над докторской диссертацией, под его руководством студенты изучали использование диалектизмов Ф.М. Решетниковым, Д.Н. Маминым-Сибиряком и другими уральскими писателями и писали курсовые работы. Основным вкладом А.П. Георгиевского – это собирание и исследование полевого диалектного материала, и здесь ему удалось многое сделать. В частности, уже в 1944 г. состоялось, очевидно, несколько выездов студентов; правда, на этот счет у меня пока скудная информация: нашелся только один приказ о поездке студентки М. Есаулковой для сбора диалектизмов. В отношении последующих поездок можно говорить уже вполне определенно. В 1944–1945 гг. в Академии наук возникла идея создания диалектологического атласа Российской Федерации, и А.П. Георгиевский был привлечен для реализации этой идеи по Уральскому региону. Ему было поручено диалектное обследование всего Среднего и частично Южного Урала, и он действовал достаточно энергично: на факультете был создан кабинет диалектологии, на кафедре составлен пятилетний план работы экспедиций в Свердловской и Челябинской областях. А.П. Георгиевский разработал вопросник, которым должны были руководствоваться студенты в полевой работе, и начались регулярные экспедиционные поездки, причем они продолжались в течение одного-двух месяцев. Например, в 1945 г. в летней диалектологической экспедиции участвовало 16 человек; первая группа из 8 человек в течение двух месяцев обследовала Ирбитский, Зайковский, Краснополянский районы; вторая группа из 8 человек работала месяц; в состав экспедиции входили студенты 2–3 курсов, а также первые выпускники филфака, приглашенные на кафедру ассистентами: З.С. Светлова, В.С. Джалалова, З.С. Агеева и аспирант Н. Лойфман.

Литературоведение

В первый учебный год филологам история литературы не читалась. Трудно сказать, почему так произошло. И.А. Дергачев провел лишь факультативный курс по библиографии. Зато в последующие годы читали опытные лекторы, доценты и профессора, специалисты-литературоведы, эвакуированные в Свердловск из разных университетов. Именно они закладывали на нашем факультете базовое филологическое образование.

В числе первых приехавших литературоведов был Лев Григорьевич Бараг, доцент Белорусского университета. Он был зачислен на кафедру русской литературы 9 сентября 1941 г. Я его хорошо знал уже в семидесятые годы, он выступал оппонентом на защите моей диссертации, мы постоянно встречались на различных конференциях, и он любил вспоминать свою молодость, работу в Уральском университете, хотя в те времена просто бедствовал. Студентка Т.В. Минина вспоминает: «Мы очень любили Льва Григорьевича Барага... Как он увлекался и зажигал нас! Высокий, худой, черноволосый, он с поднятой рукой возвышался над кафедрой... Помню, как он с неподдельным горем говорил о злключениях Аввакума. А мы сидели голодные, озябшие, в плохо освещенной аудитории юридического института и всей душой переживали за Аввакума и за Барага: знали, что он уехал из Минска в чем был (здесь ходил в босоножках на деревянной подошве), что он совершенно не устроен, живет в студенческом общежитии, голодает, ничего не знает о своей семье». У него была светлая голова и добропорядочная натура. Студенты, слушавшие его лекции по древнерусской литературе, отмечают его неорди-

нарную эрудицию и увлеченность. Он всегда стремился к насыщению лекции фактическим материалом, много цитировал, увлекался и увлекал слушателей. Ему никогда не хватало времени – ни на лекции, ни на практических занятиях – и он часто занимал добрую половину переменки. Сохранился приказ: ректор объявляет ему замечание за то, что он принимал однажды экзамен до часу ночи (должен был уложиться до половины одиннадцатого вечера: у третьей смены занятия шли с 17.30 до 22.25). Л.Г. Бараг у филологов читал также лекции по истории русской литературы XVIII века – это был его любимый период, и читал он с полной отдачей, будучи специалистом: еще в 1938 г. он защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Д.И. Фонвизина, профессионально изучал поэзию М.В. Ломоносова, сатиру И.А. Крылова и опубликовал до войны несколько статей. Он любил преподавательское дело. По воспоминаниям, он не жалел своего времени и постоянно после занятий что-то кому-то объяснял, рассказывал. Безусловными авторитетами в филологии были для Л.Г. Барага в те годы А.Н. Веселовский и А.А. Потебня, их идеями он насыщал свои лекции и практические занятия. Произведения древнерусской литературы часто интерпретировал с учетом мнения А.Н. Пыпина. Он отлично знал несколько языков, немецких авторов читал в подлиннике. Видимо, это обстоятельство да и суровая необходимость обусловили поручение ему дополнительной нагрузки: пришлось разработать курс лекций по зарубежной литературе XVII–XVIII вв. и читать его историкам и журналистам. Я думаю, что это не было ему в тягость, ибо его все интересовало, и если обстоятельства заставляли братья за новое, он брался и делал это профессионально. Именно обстоятельства (не хочу вдаваться в подробности) неблагоприятно сложились для него в пятидесятые годы, и он вынужден был читать фольклор. Но он так увлекся, что фольклористика с этого времени стала его основным делом, и в конце шестидесятых он защитил докторскую диссертацию по славянскому сказочному эпосу. Многие его работы опубликованы за рубежом. Он стал европейски известным ученым, получал персональные приглашения на международные симпозиумы. Уверен, что в будущем времени останутся его работы по башкирскому фольклору, «Belorussische Volksmärchen» (Берлин, 1970) «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (Л., 1979) и другие. Вторую половину своей красивой жизни прожил в Уфе, работал в Башкирском государственном университете; в 80 лет он был полон жизни и читал введение в литературоведение и историю русской литературной критики. Погиб он трагически – его сбила машина. Елена Шишкина, последняя аспирантка Льва Григорьевича, в мае 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию «Мотивы древнерусской литературы в творчестве Ф.М. Достоевского» в диссертационном совете Уральского государственного университета.

Очень плодотворно трудился на филологическом факультете профессор Николай Николаевич Арденс (Апостолов), выпускник Киевского университета. Со студенческих лет он увлекался творчеством Л.Н. Толстого и занимался им в течение всей жизни. Докторскую диссертацию защитил на тему «Творческий путь Л.Н. Толстого». Ко времени работы в Уральском университете Н.Н. Арденс был уже опытным преподавателем и ученым, имеющим солидный научный багаж, в который входили многочисленные статьи по классикам русской литературы и книги «Живой Толстой. Жизнь Л.Н. Толстого в воспоминаниях и переписке», «Драматургия и театр А.С. Пушкина». Студентам-филологам он читал историю русской литературы второй половины XIX века и спецкурс по Л.Н. Толстому. Н.Н. Арденс писал также литературные произведения, что, очевидно, сказывалось на манере чтения лекций: они были продуманно сделаны, терминологически выдержаны, внешне притягательны, но и несколько беллетристичны – такие суждения приходилось слышать от бывших студентов. И одни восторженно отзывались о лекциях Н.Н. Арденса, а другие – сдержанно. Зато все единодушно высоко оценивают спецкурс по творчеству Л.Н. Толстого как подлинно университетский, глубоко освещающий сложности и противоречия художественного наследия великого писателя. Оче-

видно, действительно спецкурс Н.Н. Арденса был событием в жизни третьекурсников, если они его помнят всю жизнь. До войны Н.Н. Арденс работал в московском музее Л.Н. Толстого, киноинституте, МГУ, встречался со многими известными деятелями искусства и литературы, и он любил об этом рассказывать студентам на лекциях. Ценность такой информации, конечно, была очень велика, потому что все печатные источники тридцатых–сороковых годов несли следы идеологического отбора и партийной цензуры. А здесь студентам предоставлялась возможность услышать живое слово профессора, встречавшегося с тем или иным писателем, общественным деятелем. Кроме того, Н.Н. Арденс хорошо знал архивные материалы и лекции по тому же Л.Н. Толстому насыщал еще не обнародованными фактами. Н.Н. Ардене также читал лекции по зарубежной литературе студентам историкам и журналистам, около двух лет исполнял обязанности заведующего кафедрой западной литературы. Уехав в Москву в конце 1943 г., он вернулся в Уральский университет в 1948 г., но проработал только один учебный год и был уволен за «космополитическое толкование литературных явлений».

Историю русской литературы первой половины XIX в. читал профессор Леонид Петрович Гроссман, знаток классической поэзии, исследователь творчества А.С. Пушкина. Студенты видели в нем реальное воплощение высокой учености и этикетной интеллигентности. Когда занятия шли в три смены, когда студенты сидели одетыми в пальто в холодных аудиториях, когда вся информация в газетах, по радио, на собраниях облекалась в трафаретные словесные формы, профессор Л.П. Гроссман, думаю, сознательно ориентировался на приподнятый уровень научной вербальности, подразумевающий включение литературного языка освещаемой эпохи. В атмосфере всеобщего и обязательного партийно-комсомольского «товарищества» профессор выдерживал линию личного поведения, ориентированную на подчеркнутую этикетность, легкую отстраненность. Выглядело это несколько аристократично, по крайней мере, именно в таком свете Л.П. Гроссман воспринимался студентами. «Высокий, седой, удивительно благородный, с обручальным кольцом на пальце (в те годы мужчины редко носили кольца), он пленил нас своей столичной безукоризненной эlegantностью и респектабельностью, его лекции были содержательны и великолепны», – пишет Е.А. Шпаковская. «Отличительной чертой Леонида Петровича был аристократизм. Каждая его лекция была блестящей», – добавляет З.С. Агеева. «Высокий, сухощавый, он читал, стоя за спинкой стула и держа за нее рукой. Мысли были облечены в изящные фразы, воссоздающие далекую салонную жизнь. Мы уважали своего почтенного профессора и на прощание подарили ему цветы и торт, что по тем временам было очень трудно сделать», – отмечает в воспоминаниях Т.В. Минина.

Яркая индивидуальность Л.П. Гроссмана сказывалась на восприятии студентами лекций доцента Лидии Арсеньевны Гладковской, приехавшей на его место (он реэвакуировался в конце 1943 г.) «После блестящих занятий Л.П. Гроссмана мы не сразу оценили глубоких лекций Л.А. Гладковской», – пишет в воспоминаниях З.С. Агеева. И молодому кандидату наук пришлось некоторое время утверждаться. Л.А. Гладковская была выпускницей Ленинградского университета, училась у таких известных литературоведов, как Г.А. Гуковский, Б.М. Эйхенбаум, А.Г. Ямпольский, Г.А. Бялый, и стремилась передать их научное достояние в занятиях со студентами нашего факультета. Она читала историю русской литературы второй половины XIX и почти всего XX века. С.З. и Е.С. Гомельские говорят, что чувствовалась хорошая академическая подготовка, филологическая культура Л.А. Гладковской, ее потенциал, обещавший большое будущее. После Л.П. Гроссмана она заведовала кафедрой русской литературы до 1948 г. – времени ее отъезда по семейным обстоятельствам. Она любила работать со студентами, и у нее все получалось – может быть, поэтому некоторые из них продолжали с ней встречаться, переписываться вплоть до ее кончины в 1992 г. Е.А. Шпаковская, первая выпускница филфака, получившая диплом с отличием, писала свою дипломную работу «Обыкновенная

история» Гончарова и традиции западноевропейского романа» под руководством Л.А. Гладковской, а затем стала ее аспиранткой.

По воспоминаниям студентов тех лет у меня сложилось впечатление, что в первое десятилетие на занятиях постоянно «присутствовала» поэзия. Любителем поэзии был П.А. Шуйский, обильно цитировавший поэтические произведения при чтении античной и средневековой литературы. Широко вводили поэтический материал в свои лекции Н.Н. Арденс, Л.П. Гроссман (последний из европейских поэтов выделял Шелли и Байрона). Л.Г. Бараг, читавший не только древнерусскую литературу, но и литературу XVIII в., просто уснащал лекции большими поэтическими фрагментами Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, предупреждая: «Послушайте, это нигде не прочтается». Преподаватели вынуждены были так поступать, ибо в библиотеке часто отсутствовали необходимые поэтические сборники. Нужда заставляла чаще цитировать. И хорошо, что подобрались преподаватели, любящие поэзию. М.Г. Китайник, читавший фольклор, вел также спецкурс по поэзии русских символистов начиная с осени 1943г. О М.Г. Китайнике вспоминают разное. Например: зима военного времени, восемь утра, холодная аудитория, все студенты сидят в пальто, только началась лекция по фольклору. Вдруг гаснет свет: сплошная темень, писать невозможно, и М.Г. Китайник два часа читает Пушкина, Фета, Блока, Тихонова... Уверен, что не каждый преподаватель филфака способен на такое. А доцент Л.С. Шептаев, читавший с 1944 г. древнерусскую литературу, вел также спецкурс «Русское стихотворство XVII в.». Соглашусь, что стихотворство – не самая привлекательная вещь для любителей поэзии, но для литературоведа – одна из интересных страниц в истории русского стиха. То, что Л.С. Шептаев читал в своем спецкурсе студентам нашего факультета в сороковые годы, а в начале пятидесятых опубликовал в «Ученых записках Уральского университета», стало достоянием русского литературоведения и фольклористики: ссылки на эти публикации можно встретить в работах В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева и других исследователей. Л.С. Шептаеву принадлежат наблюдения по особенностям русского народного стиха, по «скоморошьему ясаку», он первый опубликовал стихи поэта XVII века справщика Савватия и исследовал его творчество и т.п. Без преувеличения можно сказать, что студенты слушали первоклассный спецкурс по малоисследованным проблемам русской культуры XVII века. Примерно пять лет проработал Л.С. Шептаев на филфаке, потом уехал в Ленинград, защитил докторскую диссертацию по песенно-прозаическому фольклору разинского цикла и был профессором ЛГПИ им. Герцена.

Фольклористика

Русский фольклор, который традиционно читается первокурсникам, студенты первого набора слушали в третьем семестре. Начинать читать профессор Н.Н. Арденс, который был командирован в Свердловск отделом университетов Наркомпроса для чтения лекций по литературе. Видимо, по суровой необходимости ему пришлось согласиться и на чтение фольклора. Он успел прочитать несколько лекций, продолжал курс профессор П.Г. Богатырев. Студентка первого набора Т.В. Минина в своих воспоминаниях, написанных на основе личного дневника, отмечает этот факт: «Словно метеор блеснул на нашем студенческом небосклоне профессор Н.Н. Арденс. На его лекции приходили даже с других факультетов. Рассказывал интересно и о своих встречах с Лениным, Маяковским. Благородная седина, аристократизм внешности и речи... Н.Н. Арденса с его лекциями по фольклору сменил “настоящий фольклорист”, как нам было сказано, профессор П.Г. Богатырев, автор известного учебника. Это был небольшого роста, пожилой, как нам тогда казалось, человек. Лекции его были очень содержательными, хотя увлечь он нас не смог». Другая студентка первого набора, М.В. Макушина, говорила мне, что П.Г. Богатырев не читал, как другие профессора, а скорее спокойно рассказывал и даже не настаивал, чтобы студенты записывали лекции. Каждая его лекция представляла рас-

сказ-повествование о каком-нибудь жанре фольклора. На лекцию о народной сказке он привел старика, который рассказал студентам несколько коротких бытовых сказок. Нужно подчеркнуть, что у П.Г. Богатырева уже в то время был огромный научный авторитет. Его книги «Магические действия, обряды и верования Закарпатья», «Народный театр чехов и словаков» и другие работы, опубликованные в двадцатые–тридцатые годы в Праге, Берлине, Париже, Софии, принесли ему европейскую известность. П.А. Вовчок попросил П.Г. Богатырева рассказать преподавателям и студентам о своих научных разысканиях, и он выступил с сообщением «Моя работа в архивах Праги и Парижа». Замечательно, что П.Г. Богатырев первым прочитал на нашем факультете курс лекций по русскому фольклору. На следующий год фольклор вел Н.Н. Арденс, осенью 1943 г. он уехал, и эстафета перешла к М.Г. Китайнику.

Михаил Гершевич Китайник начал работать на факультете с 1 октября 1943 г. после выхода из госпиталя. Перед войной он закончил МГПИ им. В.И. Ленина, там же учился в аспирантуре и в конце июня 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Фольклор в советской поэзии для детей». На факультете работал до 1957 г. М.Г. Китайник читал русский фольклор филологам, историкам и журналистам и одновременно вел занятия по дисциплинам литературоведческого цикла, чаще всего это была литература XX века или спецкурс «Русская поэзия XX века». Сделанное М.Г. Китайником в области изучения фольклора Урала заслуживает весьма высокой оценки. Хотя надо заметить, что будучи литературоведом, он и фольклор анализировал в литературоведческом аспекте, поэтому его статьи и книга о фольклоризме Д.Н. Мамина-Сибиряка сегодня сохраняют лишь значение информативного источника (что совсем не мало!).

С началом работы М.Г. Китайника студенты получили возможность углубленно изучать фольклор и в кружке, и в спецсеминаре по народному творчеству Урала, и в полевых экспедициях. М.Г. Китайник большое внимание уделял полевой фольклористике и умело привлекал к научной работе студентов.

Первая фольклорная поездка студентов состоялась в конце 1944 г. в составе экспедиции, организованной Областным отделом культуры. Экспедиция была комплексной: входили писатель А. Баранов, композитор Н. Хлопков, художник В. Бояринцев и две студентки филологического факультета – Нина Киселева и Нина Гаряева. Экспедиция побывала в нескольких районах Свердловской области – Каменском, Арамилском, Белоярском, Березовском. В последующие три года (1946–1948) записывали фольклор студенты А. Долгих, М. Есаулкова, В. Гаряев, Г. Копытова, Н. Кочергин, Л. Кругляшов, В. Кукшанов, М. Петровская, М. Шабалина, Л. Шешина, А. Шильникова в таких населенных пунктах, как г. Каменск-Уральский, г. Невьянск, д. Лая Кушвинского района, с. Курьи Сухоложского района, д. Ялунино Белоярского района, с. Андриановичи Серовского района, пос. Михайловский Завод Нижне-Сергинского района, пос. Дегтярский Рудник Ревдинского района, пос. Рудник Верликулит Каслинского района Челябинской области, г. Камышлов, г. Первоуральск, г. Полевской. В экспедициях участвовали не только филологи, но и студенты отделения журналистики. В частности, студентка этого отделения В. Курбатова много работала со сказительницей К.С. Копысовой, жившей в г. Лысьве Пермской области. Записи ее репертуара составили сборник «Уральские песни и сказания К.С. Копысовой», опубликованный в Свердловске в 1947 г. Записи студентов, сделанные в названных выше населенных пунктах, составили сборник «Уральский фольклор» (Свердловск, 1949). Этот сборник, содержащий самые разные жанры – от исторических, рекрутских песен, сказок до фольклора Великой Отечественной войны, – был представлен как коллективная студенческая работа на научной городской конференции в 1949 г. и удостоен первой премии.

М.Г. Китайник организовал также фронтальный просмотр студентами уральских полковых, дивизионных газет периода гражданской войны на предмет выявления публикаций самодеятельного творчества солдат. Такая поисковая работа была полезна и

филологам, и особенно журналистам, поскольку позволяла им конкретно знакомиться с типом изданий, газетными жанрами и т.п. Студенты посещали библиотеку областного партархива, краеведческого музея, архив В.П. Бирюкова, другие хранилища и разыскивали сохранившиеся экземпляры газет «Красноармеец», «Окопная правда»... Выявленные студентами фольклорные материалы составили основу сборника «Красный набат».

М.Г. Китайник, оказавшись на незнакомом Урале, сразу понял, что это имеющий солидные традиции регион со сложившейся народной культурой и нужно создавать не только фактическую базу через полевые экспедиции, но и вводить в научный оборот архивные материалы и сделать библиографическое обеспечение изучения фольклора. М.Г. Китайник проделал очень трудоемкую работу по составлению библиографии, проводя отпускное время в столичных библиотеках. Когда она была закончена, были подключены старшекурсники к проверке и уточнениям. «Библиография фольклора Урала» была опубликована в 1949 г.

Будучи человеком коммуникабельным, М.Г. Китайник достаточно быстро установил контакты с местными краеведами и литераторами, интересующимися фольклором. Назову несколько наиболее значительных имен. Это Иван Яковлевич Стяжкин, который еще в конце XIX в. увлекался собирательской работой и составил разножанровый сборник «Народная литература Камышловского уезда». В него вошли записи 1896–1915 гг. К сожалению, сборник до сих пор не опубликован, хранится в ГАСО и краеведческом музее г. Каменска-Уральского. В 1946–1947 гг. И.Я. Стяжкин возобновил записи и передал их М.Г. Китайнику, который включил около двадцати текстов в сборник «Уральский фольклор». Кроме того, И.Я. Стяжкин передал факультету свой рукописный словарь диалектных слов, собранных в Богдановском, Камышловском, Талицком и других районах; около трех с половиной тысяч слов этого словаря использовано при составлении словарных статей для «Словаря русских говоров Среднего Урала». Можно назвать уральского поэта Николая Куштума, интересовавшегося народным творчеством с молодости и записывавшего фольклор в течение всей жизни (умер в 1970 г.). Он тоже поделился своими записями, и в названном сборнике М.Г. Китайника можно встретить волшебную сказку и около десяти свадебных, лирических песен, записанных поэтом в Шалинском, Зайковском, Камышловском районах. Самым значительным для М.Г. Китайника и студентов-филологов событием было, конечно, общение с П.П. Бажовым.

Всенародное признание, официально «подтвержденное» Сталинской премией в марте 1943 г., убедили П.П. Бажова в насущности публично говорить о ценности рабочего фольклора, народной истории, бытующей в форме преданий, и истории вообще. Он и раньше говорил, но в кругу литераторов, на встречах с читателями, а сейчас – в печати, на научных конференциях, на официальных встречах. М.Г. Китайник в своих кратких воспоминаниях о писателе справедливо говорит, что методические пособия тогда отсутствовали, без ответа оставались вопросы, в каких районах, каким способом искать и фиксировать рабочий фольклор... Поэтому обратились к П.П. Бажову. Писатель рассказывал, что считал важным, на больших собраниях или лично беседуя с кем-то. Все студенты тех лет говорят, что П.П. Бажов иногда появлялся на факультете «просто так». Л.М. Слободжанинова в воспоминаниях пишет: «Обычно он приходил в сопровождении младшей дочери Ариадны, учившейся на отделении журналистики; усаживался у стола в аудитории... Тотчас же его окружала студенческая стена не в один ряд, так что слушать было трудновато. Больше всего говорил о фольклоре рабочих...». Н.В. Кузнецова говорит, что запомнила одно выступление писателя на факультете, когда он настойчиво повторял необходимость обращения к архивным источникам, уверял, что в архивах можно найти более значительные, чем в книгах, факты, приводил пример насчет возникших еще в XVII в. по народной инициативе «мужицких» заводах, на которых впервые началось сыродутное производство железа. Он любил говорить о народной предприимчиво-

сти, благодаря которой на Урале открыты все крупные месторождения железа, цветных металлов, асбеста, – это отражено в фольклоре, надо только искать. Н.В. Кузнецова сказала П.П. Бажову, что заинтересовалась его сказами, и он сразу посоветовал обратить внимание на фольклор, дал адреса трех своих школьных товарищей, живших в Полевском. Она поехала, встретила с ними. П.П. Бажов давал советы Н.В. Кузнецовой в июне 1947 г., и она до сих пор изучает народную культуру родины писателя, опубликовала свои многочисленные находки, составила летопись жизни и творчества Павла Петровича, проследила по церковным книгам родословную Бажовых со времени их появления в Полевском заводе в начале XVIII в.

К сожалению, выступления П.П. Бажова в печати, на конференциях, его беседы на факультете воспринимались не в полном объеме. К этому заключению приходишь, читая сегодня воспоминания М.Г. Китайника, слушая рассказы студентов и преподавателей тех лет о П.П. Бажове и учитывая суждения П.П. Бажова в его последней беседе с М.А. Батиным (см.: *Бажов П.П.* Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 108–129). Думаю, М.Г. Китайник и П.П. Бажов часто элементарно не понимали друг друга. М.Г. Китайник находился в русле фольклористики 30–40-х гг. с ее акцентом на коллективность как основополагающий принцип народной поэзии, при этом коллективность принималась всероссийского, областного, регионального масштаба; он оперировал понятиями, терминами той поры, придавал большое значение вариативности – это нормально, однако не позволяло глубоко вникнуть в то, что рассказывал писатель. А Бажов говорил именно как носитель фольклора: объяснял все через образы, примеры, случаи и не мог перейти на аналитический язык. Однажды он даже сказал М.А. Батину: «Горе в том, что я просто не в силах поставить его (т.е. вопрос о рабочем фольклоре. – В.Б.) во всем объеме» – и прописать, проговорить, разъяснить через специальную терминологию. Я далек от мысли вносить критическую тональность в свой очерк, просто констатирую. Думаю, что П.П. Бажов ощущал свою непонятость: вроде все воспринимают, а делают не так, как надо. Поэтому на вопрос М.А. Батина, как он оценивает записи М.Г. Китайника, П.П. Бажов ответил: «Китайник – преподаватель фольклора, и он примерно ведет дело так, как вообще это ведется в других местах. Это – записи фольклора, передающие творчество рабочих, но, к сожалению, он повторяет ту же ошибку, что и многие другие. Он увлекается стенными газетами, стихотворениями, которые делаются в основном журналистами разной степени квалификации...» Прерву цитату, ибо уже понятно сожаление П.П. Бажова: уральский фольклорист не смог в своей собирательской работе выйти на тот материал, который бы выделил его из числа фольклористов «других мест».

В теоретическом осмыслении фольклора М.Г. Китайник остался на уровне сороковых годов и тем не менее он смог поставить учебную и научную работу на крепкий фундамент, смог увлечь студентов собиранием и изучением народного творчества Урала. Достойны уважения его активность, организаторская хватка, ведь за шесть-семь лет его работы на факультете (я не выхожу за сороковые годы) было издано несколько сборников, библиография уральского фольклора, открыт семинар по изучению народного творчества, студенты ездили в фольклорные экспедиции, выступали на научных конференциях и получали награды. Например, В. Кукшанов в 1949 г. получил весьма высокую награду – похвальную грамоту Министерства высшего образования СССР за активное участие в работе научного студенческого общества и выполненную исследовательскую работу «Фронтная песня Великой Отечественной войны». М.Г. Китайник смотрел вперед, планировал развитие фольклористики на факультете. В конце сороковых он начал работать над докторской диссертацией «Фольклоризм Д.Н. Мамина-Сибиряка», добился открытия аспирантуры по фольклористике, и по этой специальности в 1949 г. появилась первая аспирантка – В.П. Кругляшова, которая в 50-х гг. станет кандидатом, в 70-х – доктором наук, профессором и создаст кафедру фольклора.

Некоторые штрихи жизни факультета в сороковые годы

Можно говорить о высокой целеустремленности преподавателей и студентов сороковых годов, но нужно сказать и о том, что учебно-научная и воспитательная работа проходила в условиях предельно стесненных – и материальных, и организационных, и духовных. Хотелось бы привести несколько фактов из жизни факультета, наиболее показательных, способных дать толчок читательскому воображению.

Когда читаешь приказы ректора, распоряжения учебного отдела, невольно обращаешь внимание на то, что они очень часто написаны от руки, на случайных листках. Очевидно, что даже у секретаря ректора нет бумаги, нет ленты в пишущей машинке... Бедность – другого слова не подберешь. Дают представление о материальной базе университета названия профессий вспомогательного персонала, мелькающие в приказах: коновозчик, ассенизатор, стеклографистка, внутренняя раскльная, агент поручений, кипятильщица в общежитии... Некоторые из них пришли еще из дореволюционных времен, например «служительница кафедры неорганической химии», и вызывают сегодня легкую улыбку (препаратор льжной базы!). Но это к слову.

С октября 1940 г. обучение в университете стало платным. Из первокурсников филфака сразу ушло около двадцати человек, не имевших возможности платить. Освобождались от платы инвалиды войны, дети пенсионеров, иждивенцы рядового и младшего командного состава, инвалиды детства, не получавшие пенсию. Все остальные были обязаны платить. Отчисляли независимо от года обучения. Например, по приказу № 51 от 28.03. 1942 г. было отчислено со всех факультетов 49 студентов 1–4 курсов, не уплативших за второй семестр 1941/1942 учебного года (в том числе 18 филологов).

Занятия шли в три смены и в разных местах, потому что основное здание университета было отдано под военное предприятие. Т.М. Сырова, студентка 1943–1948 гг., пишет в воспоминаниях: «Начали мы заниматься в сельскохозяйственном институте... Здание почти не отапливалось. Сидели в пальто и головных уборах. Не хватало мебели. Вошел в здание, первая забота – захватить стул, и потом уже не расстаешься с ним до конца занятий... Второй курс мы начали в школе № 9, лекции читались с семи вечера после школьников. В качестве «платы» за это мы мыли полы в спортивном зале, в котором никогда не занимались, пилили и кололи дрова для школы. Пилка дров была и в сельхозинституте. Какое-то время вечерами шли лекции в горном институте. Потом занимались на первом этаже нашего общежития на Карла Либкнехта, 9. Помню, что именно в этом месте проходили занятия по зарубежной литературе. Потом мы поселились в здании на улице Белинского...». Посадочных мест в университетском читальном зале не хватало (он был величиной с обычный класс в здании на Ленина, 13). В те времена на всех крупных предприятиях были так называемые партийные кабинеты, и студенты их облюбовали. «Кто-то догадался ходить в пустующие парткабинеты, – пишет Т.М. Сырова. – Особенно запомнился парткабинет в Доме печати. Там было всегда тепло, безлюдно... Главным прибежищем стала библиотека имени Белинского... После неуютного логова, каким зимой сорок третьего года было наше общежитие, и замороженных аудиторий сельхозинститута, где мы в неустойстве проводили полдня, попасть в читальный зал Белинки было невероятным счастьем. Чисто, тепло... Ровные ряды длинных столов, цветы, легкие шорхи читального зала создавали рабочее настроение; забывались невеселые будни, и ты погружался в мир книг, в мир науки и искусства... А когда пришло время писать дипломную работу, библиотека предоставила нам льготные условия научного читального зала. Благодарность и привязанность к Белинке как нашему второму университету я сохранила до сих пор».

Организация учебного процесса была под строгим контролем ректора вплоть до того, что на повторную сдачу экзамена требовалось разрешение ректора или проректора; за неявку на экзамен без уважительной причины в лучшем случае проставлялась в ведомость неудовлетворительная оценка, в худшем – исключали. Вот, например, приказ № 158 от 8.07.1943 г.: «За неявку на экзамен без уважительной причины исключить из состава студентов (имярек) 2 курса филологического факультета и направить в распоряжение бюро по трудмобилизации при Сталинском райисполкоме г. Свердловска»; или ректор объявлял выговор первокурснице филфака за «пользование шаргалкой на экзамене по истории древнего мира»; в другом

приказе строгий выговор ректора получили сразу шестеро второкурсников « за самовольный уход с занятия по латинскому языку»; за несколько пропусков ректор снимал со стипендии на полмесяца или на месяц.

Летом и осенью для студентов была обязательной трудовая мобилизация: уборка урожая, торфоразработки, заготовка дров. За отказ ехать – исключение из университета. Приказ ректора № 162 от 19.06. 1943 г. «За злостное уклонение от поездки по трудовой мобилизации исключить из числа студентов с передачей дела в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности следующих лиц» (далее названы фамилии двух второкурсниц и одной третьекурсницы филфака). В Петрова вспоминает: «Чтобы реалистически представить студента тех лет, надо помнить, что он был еще и работник на заводе, в колхозе, в госпитале – везде, где работа была, а зарплаты за нее не полагалось. Карточку же нам давали по минимуму, как служащим, то есть 400 граммов хлеба в день».

Вся студенческая жизнь была пронизана соревновательностью, внедряемой партийно-комсомольскими органами. Соревновались везде: в учебе, на заготовках дров, на рытье котлованов для эвакуированных заводов, на уборке урожая, за лучшую комнату в общежитии и т.п. По учебе существовало специальное Положение о соревновании, и после каждой сессии вручалось переходящее Красное знамя ректората факультету, курсу, академической группе. Например, по результатам зимней сессии 1942/1943 учебного года победителем стал в целом факультет, а 301 группа в третий раз получила Красное знамя. Газета «Сталинец» 6 марта 1943 г. писала, что никто в этой группе во время сессии не получил ни одной тройки, из 22 человек 13 имеют только пятерки, все занимаются общественной работой: у группы первое место по проведению субботников, Х. Гордина – член профкома, Е. Окунева – член университетского комитета ВЛКСМ и именной стипендиат, многие студенты группы занимаются научной работой в кружке по изучению лексики произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Если студенты соревновались в учебе, то преподаватели – в научно-педагогической деятельности. Называлась она научно-производственной работой, и в одном ряду были профессоры, доценты, аспиранты, библиотекари, коновозчики, работники бухгалтерии, уборщицы. Критерии работы и оценки определялись в первичных профсоюзных и партийных ячейках, затем эти оценки передавались выше, и партком выносил окончательное решение. Но оформлялось партийное решение в виде приказа ректора, и все выглядело весьма пристойно: например, в приказе № 115 от 10 апреля 1943 г. сказано: «По результатам научно-производственной работы считать отличниками...» – далее перечислялись фамилии двух профессоров, двух доцентов, ассистента, кассира и машинистки, затем назывались «ударники» – примерно двадцать человек. От филологов в число «отличников» попала профессор В.Н. Ярцева, которая в качестве премии получила «пригласительный билет в универмаг», а в «ударниках» оказался профессор Л.П. Гроссман, против его фамилии написано: «премировать мануфактурой 5 метров». Зато в приказе № 193 от 6 ноября 1943 г. Л.П. Гроссман уже признан «отличником», преподаватель А.И. Данилова – «ударником», а В.Н. Ярцева вообще не фигурирует. Соревновались, чтобы подписать рапорт – краткий отчет университета вождо всех времен и народов. В газете «Сталинец» (1943. 12 марта) сообщалось: «Декан филологического факультета П.А. Вовчок упорным трудом завоевал почетное право подписать рапорт товарищу Сталину». Все эти вещи сегодня вызывают понимающую улыбку. Конечно, иметь пять метров ткани было существенным материальным подспорьем для профессора, получающего хлеб по карточке. Но ведь контролировался каждый шаг преподавателя и на партийных, профсоюзных собраниях, на заседаниях партбюро обсуждался любой вопрос – все выворачивалось наизнанку, рассматривалось через увеличительное стекло и только после этого выносилось решение, в какую графу записать человека – в «отличники» или «ударники». Я не говорю уже об идеологическом контроле научной продукции, аудиторных занятий каждого преподавателя.

В то время вся жизнь регламентировалась Указом президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Приказами ректора было расписано буквально все: от времени работы уборщиц до занятий преподавателей.

Каждый преподаватель должен был ежемесячно к 5 числу на имя декана представить отчет о проделанной научно-исследовательской работе с указанием, что конкретно сделано по избранной теме за истекший месяц, какое количество часов потрачено на работу и процент выполнения плана. Отчет завершался завкафедрой. Еще ректор писал: «Предупреждаю всех научных работников о том, что невыполнение графика научно-исследовательской работы будет рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины со всеми вытекающими последствиями из Указа Президиума Верховного Совета СССР...». Все последствия – карательные: от выговора до суда. Приходилось читать приказы ректора о выговорах лаборантам, секретарю деканата «за чтение книги в рабочее время», преподавателям – за десятиминутное опоздание. Или приказ № 38 от 16.02. 43 г.: «Дело профессора Н.Н. Арденса передать в суд для привлечения к судебной ответственности по Указу от 26 июня 1940 г. за прогул 12 февраля с.г. (неявка на академические занятия)». Видимо, Н.Н. Арденс представил какие-то медицинские справки, потому что дело до суда не дошло. Не буду множить примеры, думаю, сказанное дает возможность представить в общих чертах условия тех лет. Перейду к краткому заключению.

Становление филологического факультета пришлось на один из самых драматических, если не сказать трагических, периодов истории, когда шла борьба с фашизмом за самое существование нашей страны, нашего народа. Трудно было всем. А студентам нужно было не только осваивать университетскую программу – укладываться в отведенные сроки по текущим занятиям, зачетам и экзаменам, но и платить за это и бесплатно физически работать как в летние каникулы, так и в учебное время. Не все могли выдержать такую сверхнагрузку, поэтому отчислялись за академическую неуспеваемость, неуплату денег, за отказ ехать на заготовку дров или уборку урожая. Оставались самые стойкие и целеустремленные. Они несли бремя материальных ограничений и неустроенности, и помогала им их молодая энергия, жажда познания великой русской культуры. На факультете они встречали испытывающих те же тяготы преподавателей, которые с готовностью приобщали их к общечеловеческим и национальным ценностям. Несмотря ни на что, шел учебный процесс, движущей силой которого были профессора и доценты, имеющие базовое университетское образование и педагогический опыт работы в московских или ленинградских вузах. Они формировали у студентов понимание эволюционной непрерывности историко-литературной традиции, понимание того, что развитие культуры – это отбор и накопление художественных ценностей, созданных народами разных стран. И всем своим трудом они показывали студентам, что овладение этим богатством составляет суть филологического университетского образования. Студентка первого набора В. Петрова пишет: « На университетских лекциях мы вдруг увидели преподавателей, которые предлагают нам овладеть знаниями, а не запомнить те или иные положения. На лекциях один и тот же предмет или тема освещались с самых разных точек зрения, а оценка явления самим лектором не навязывалась, нередко преподаватель приглашал поспорить с ним... Девочки и мальчики, отлично учившиеся в школе по гуманитарным предметам, внезапно поняли, что они ничего не знают и что движение к знанию бесконечно. Нас учили учиться».

В конце войны многие преподаватели вернулись в свои вузы, а на смену им пришли их ученики, выпускники факультета: З.С. Агеева, В.Н. Светлова, Х.И. Гордина, Е.А. Шпаковская, В.П. Кругляшова, В.С. Джалалова, Н.А.Полозкова и другие. Становление факультета завершилось.